

Он является также источником стиля переводов с китайского языка на русский, выполненных китайскими русистами, ибо в значительной степени эти переводы опираются на наличные словари. Поэтому к языковому стилю переводов в словаре должно быть привлечено особое внимание составителей. Как правило, переводы на русский язык даются с соблюдением требований литературного стиля. Однако в периферийной лексике иногда обнаруживаются стилистические погрешности. В частности, из переводов следует, что составители считают *фимиа* регулярным словом современного русского языка, поэтому они в качестве одного из значений слова *сян* «аромат, ароматный» с пометой «принадлежность суеверия» указывают: «фимиа, ладан, курительные свечи: *шао ичжу сян* „зажечь связочку курительных свечей; возжечь фимиа (ладан)“; *шан сян* „ставить курительные свечи“» (с. 993), бином *фэньсян* переводится: «жечь (воскурять) фимиа» (с. 258), словосочетание *банр сян* переводится «фимиа (на палочке)» (с. 23). Однако в современном русском разговорном языке слово *фимиа* присутствует только в составе фразеологического оборота «курить фимиа» в смысле «лестить». Таким образом, слову *сян* в русском разговорном языке соответствует словосочетание

«ароматическая свеча». Перевод «курительная свеча» (с. 993) является правильным, но несколько устаревшим.

Китайско-русский словарь, составленный группой китайско-русского словаря Шанхайского института иностранных языков, является значительным достижением китайской славистики. Он, несомненно, окажет значительное влияние на развитие политических и культурных связей Китая и Советского Союза, на уровень подготовки русистов в КНР и китаеведов в Советском Союзе, на филологический уровень переводов с китайского языка на русский. Спрос на этот словарь будет расти, поэтому не приходится сомневаться в том, что в последующие издания будут вноситься дальнейшие исправления и дополнения с учетом развития как китайского, так и русского языка, с учетом достижений лексикологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Драгунов А. А. Грамматическая система современного китайского языка. Л., 1962. С. 44.
2. Сяньдай ханьюй цыдянь. Бэйцзин, 1978.

Софронов М. В.

Yokoyama O. T. Discourse and word order. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1986. 361 p.

Профессор Гарвардского университета О. Т. Йокояма поставила перед собой задачу объяснить механизмы речевого общения с помощью разработанной ею модели обменов знанием (knowledge). Излагаемая в рецензируемой книге «Речевое общение и порядок слов» концепция речевого общения¹ обладает той индуктивной простотой, которая является важным мерилом для оценки лингвистической теории [2, с. 463; 3, с. 400, 407—408]².

Модель представляет процесс вербальной коммуникации двух говорящих в виде перераспределения различных типов знания внутри тех когнитивных наборов, которыми говорящие обладают в некоторый данный момент своей интеллектуаль-

ной активности [знание — это то, чему может предшествовать *я знаю (что/кто/то, что)* или *знаете(ли) вы...?*, т. е. то, что считает знанием сам говорящий]. Минимальная единица речевого общения включает четыре набора знания — двух говорящих, каждый из которых рассматривается в качестве набора знания данного индивидуума о мире и самом себе, и два набора знаний, которые важны для каждого из говорящих в данный момент (в некоторый данный момент человека касается непосредственно лишь часть знаний, которыми он обладает). Наборы знания говорящего никогда не остаются постоянными — каждое речевое событие изменяет ситуацию речевого общения, происходит обмен семью типами знания: 1) знанием о коде (*Я знаю, что такое осциллограф*), знанием независимым, имплицитным только знание предикации и обычно соотносящимся со знанием о пропозиции; 2) знанием о референции (*Вот Джейн Смит*), независимым, явно имплицитным лишь знание

¹ Как известно, не существует четких критериев для разграничения понятий «модель» и «теория» или для эмпирического различения их применения [1, с. 29].

² Об объяснительной силе теории как об одном из измерений ее адекватности см. [4, с. 34].

о предикации и существовании референта, но обычно соотносящимся и со знанием о пропозиции; 3) знанием о пропозиции («некто куда-то уехал»), имплицитным знанием о предикации и существовании термов; 4) знанием о термах (*Джейн уехала в Париж*), обязательно имплицитным знанием о пропозиции и референции термов; 5) знанием о существовании термов (*Джейн куда-то уехала*), включающим знание о референции данной сферы; 6) знанием о предикации (предикаты типа «случаться», «делаться»), имплицитным знанием о референции термина; 7) знанием о ситуации речевого общения. Типы 2—6 формируют информационное знание, 1, 7 — метainформационное. Передача того или иного знания делает речевое общение соответственно информационным или метainформационным³.

Чем же стимулируется речевое общение? По мнению автора, не только осознанием говорящим отсутствия необходимого знания у адресата, но и пониманием противоположного факта, т. е. наличия такого знания у адресата. Через описание ситуации «предвысказывания» как ситуации, в которой важные в данный момент для каждого говорящего наборы знания обязательно пересекаются, в книге показывается, что говорящий должен сказать только то, что адресат найдет уместным. Необходимостью удовлетворить Требование Уместности с самого начала речевого общения объясняется, например, то, что слова незнакомца на автобусной остановке *Вы уронили билет* воспринимаются как нормальные, а его же слова *Сегодня вечером я приготовлю на ужин рыбу* в тех же обстоятельствах заставляют подумать как минимум о том, что у этого человека не все благополучно. Стимулом к речевому общению могут быть: 1) отсутствие знания о термах при наличии знания о соответствующей пропозиции (*Джейн куда-то уехала*), 2) отсутствие знания о пропозиции при знании о предикации относительно некоторого события и знании о референции потенциальных термов этой пропозиции (так, вопрос *Что делает Джейн?* задается для получения знания о пропозиции с включением *Джейн* и, возможно, термина). В целом же при общности знания о языковом коде и правильной регистрации наличия/отсутствия информационного знания

³ Необходимо отметить, что рассматриваемая модель одновременно репрезентирует человека в качестве объекта человеческого познания и познающего субъекта — индивидуума, находящегося с другими людьми в отношениях обмена знанием (о модели как о концепции моделируемого мира и «самоконцепции» ее автора см. [1, с. 23—25]).

в знании о ситуации речевого общения, имеющемся у обоих собеседников, говорящий может отдать свое знание и без всякого стимула со стороны адресата. Это происходит в том случае, когда говорящему очевидно отсутствие у слушающего какого-либо значимого типа знания.

Что необходимо для начала речевого общения? Это — взаимная осведомленность каждого из потенциальных говорящих о существовании собеседника в данном месте, в данный момент и о готовности начать речевую коммуникацию. Такая осведомленность носит предречевой характер и не зависит от языкового кода. Начинается же речевое общение только тогда, когда собеседники убедились в наличии общего кода — предъязыковая экзистенциальная осведомленность приобретает статус референциального знания о шифтерах [*я, ты(вы), здесь, сейчас*].

Речевое общение регулируется тремя важнейшими процедурными правилами. (1) Говорящий оптимально оценивает ситуацию речевого общения и подтверждает произведенное перемещение знания. При обращении к незнакомцу уместны лишь высказывания, включающие сам адресат, — вопросы с *вы*, приказания/просьбы (редкие в этой ситуации утверждения должны также затрагивать адресат: *Вы что-то уронили*). Подтверждение адресата [от кивка головой до (*я*) *понимаю*] необходимо даже в том случае, когда он не собирается начать новый обмен знанием; (2) При неверной оценке речевой ситуации первым говорящим второй корректирует эту оценку метainформационным ответом. Ошибочной оценки можно избежать, если начать речевое общение с вопроса типа *Вы же знаете, что Джейн уехала, верно?* и после утвердительного ответа продолжить: *А вы знаете, куда она уехала?*; (3) Ошибочная оценка речевой ситуации навязывается (*is imposed*) одним говорящим другому, который это «навязывание» принимает. Навязывание основано на уверенности говорящего в том, что нечто, касающееся непосредственно его, касается и другого говорящего; именно благодаря этой уверенности адресат принимает то, что ему навязывает говорящий. Навязывание обусловлено тесными межличностными отношениями говорящих и может осуществляться на любом этапе речевого общения. Начало разговора является навязыванием на предъязыковом уровне коммуникации — вот почему человек стремится свести до минимума навязывание по отношению к незнакомым людям.

С помощью понятия «навязывание» О. Т. Йокояма убедительно интерпретирует общезвестные особенности речевого поведения человека. Как только ребенок начинает произносить односложные

высказывания, его обучают «кооперативно» отвечать на контакт, подчинять свое состояние ума навязыванию (этим подавляется естественное сопротивление ребенка, именно на этой стадии начинающего осознать свое Эго). Внушенные с раннего детства и постоянно практикуемые в каждом случае межличностной коммуникации, процедуры обмена знанием становятся обязательными и почти автоматическими. В связи с этим решение не следовать им требует специального умственного усилия. Так, принуждение отвечать на вопрос действует при общении человека и с самыми близкими друзьями, и с врагами, и с чужими людьми. Поэтому явный отказ следовать правилам кооперативного поведения, т. е. не отвечать совсем, означает, что адресат «не в себе» — в любом случае лучше дать отрицательный ответ, абсолютно лживый, исполненный ненависти.

Модель объясняет, почему, несмотря на более жесткую предписанность речевого поведения адресата, все же в речевом общении доминирует обычно говорящий. Тот факт, что люди нередко считают неуместным начать обмен знанием с тем, кто ниже в социальном отношении, может быть обусловлено инстинктивным пониманием того, что информационное высказывание навязывает «вышестоящему» обязанность ответить информационно или метainформационно. Модель объясняет также, почему постоянная постановка другого в позицию адресата (при отсутствии предварительного соглашения между говорящим и адресатом) является одной из форм доминантного или даже агрессивного поведения. Так, обет молчания некоторых монашеских орденов должен усилить кротость тех, кто ему следует, путем постоянного уничтожения наиболее обычного и наиболее приемлемого для общества насилия — насилия над разумом другого человека. Однако различные установки речевого общения приводят к различным вариантам соглашения между говорящим и адресатом. Например, читатель дает согласие, что он будет полагать релевантным все, что скажет автор повествования, и соглашается со всеми ошибками в оценке и навязыванием знания. Будучи сверхкооперативным, читатель дает возможность автору почувствовать себя сверхуверенным и беспрепятственно провести широкое и одностороннее перераспределение знания.

Интересны классификации высказываний, полученные в результате применения модели обмена знанием. Основная дихотомия — высказывания, начинающие и не начинающие речевое общение. Дальнейшая классификация строится по критериям изменения состояния каж-

дого из четырех наборов знания до и после речевого обмена.

Высказывания, начинающие речевое общение, делятся на предписания (передают все типы знания), утверждения (передают все типы знания и подразделены на утверждения о пропозиции, утверждения о термах, утверждения о существовании термов, утверждения о референции, метainформационные утверждения), восклицания (делятся на не передающие никакого знания фатические высказывания типа *Какая красавица!* и передающие новую информацию высказывания типа *Я вас ненавижу!*) и вопросы, составляющие самый главный независимый класс высказываний. В зависимости от типа знания, ожидаемого спрашивающим, выделены несколько типов вопросов: 1) вопросы о термах (*Куда уехала Джейн?*; *Джейн уехала в Париж?*; *Джейн уехала в Париж или в Нормандию?*) 2) вопросы о пропозиции [*Что случилось с Бобом?*]; 3) вопросы о референции (*Кто здесь Джейн Смит?*); 4) вопросы о существовании термов (*А единороги существуют?*); 5) вопросы о предикации (*С Джейн что-то случилось?*); 6) метainформационные вопросы (о языковом коде или ситуации речевого общения: *Что такое осциллограф?*; *Вы знаете Джейн Смит?*).

Не начинающие речевое общение высказывания анализируются О. Йокояма в качестве обязательных и необязательных ответов на предшествующие высказывания. Обязательные ответы бывают информационными (это — ответы на предшествующий вопрос, переносящие различные типы знания) и метainформационными (это — подтверждения, не переносящие никакого знания и лишь подтверждающие факт регистрации предшествующего невопросительного высказывания, а также корректировки ошибочных оценок ситуации речевого общения, используемые, в отличие от навязываний, при отдаленных межличностных отношениях между говорящими). Необязательность ответов обусловлена различными экстралингвистическими причинами — от конкретных коммуникативных потребностей до социальных, психологических, логических и творческих мотиваций. В книге показывается, что связь необязательного ответа с предшествующим высказыванием основана на ассоциативном знании, которым по предположению дающего необязательный ответ обладает не только он сам, но и первый говорящий. Так, в диалоге типа А. *У меня болит голова. В. Прими анальгин* единица «головная боль» входит в знание о пропозиции «у А. болит голова», в знание ассоциативное «анальгин поможет при головной боли» и в знание о пропозиции

«А. Принимает анальгин». С помощью необязательных ответов передается любой тип знания, эти ответы придают обмену знанием необязательный характер и позволяют направить речевое общение по самым разным путям.

Основная особенность обмена знанием состоит в том, что истинность используемых говорящими наборов знания полностью никогда не доступна адресату, и это делает первый шаг в каждом обмене знанием зависимым от субъективного мнения инициатора речевого общения. Высказывание, физически начинающее речевое общение, может не быть действительно начинающим — с субъективной точки зрения говорящего такое высказывание часто мыслится как продолжение ранее начатого речевого общения. Поэтому истинностные суждения, начинающие речевое общение, могут передавать не все типы знания, например, утверждения о терминах не могут начинать речевое общение.

Модель речевого обмена делает очевидной субъективность процесса межличностной коммуникации — говорящий всегда основывает свои высказывания на своей субъективной картине взаимосвязей между четырьмя наборами знаний. Например, одной из сфер субъективности говорящего является сфера оценок и отношений при восприятии говорящим большинства людей, положений дел во внешнем и внутреннем мире. Если взаимодействие между собеседниками позволяет делать пристрастные оценки, то по мере возрастания причастности говорящего к единицам знания, о которых идет речь, и его личной включенности в них избежать пристрастности и оценочности говорящему становится все труднее. Информационное знание никогда не передается собеседнику объективно. В метаянформационном общении субъективность также может играть основную роль — в оценке ситуации речевого общения, в навязывании своего собственного, важного для говорящего набора знания. Собеседники, однако, последовательно взаимодействуют, стараясь преодолеть субъективность говорящего, прибегая к регулярным процедурам обмена знанием таким образом, как им обоим «приказывает» метаянформационное знание о языковой ситуации.

О. Т. Йокояма подчеркивает, что все намеренные (денотативные) обмены между собеседниками сопровождаются ненамеренными коннотативными обменами, увеличивающими знание о состоянии и содержании наборов знания говорящих. Метаянформационное знание закодировано в каждом высказывании, а не только в эксплицитно метаянформационных. Это свидетельствует о том, что структура

лингвистического кода должна иметь ясные механизмы передачи метаянформационного знания, которые могут быть изучены, являясь регулярными (иначе адресат не был бы способен их декодировать) и универсальными. Умение пользоваться этими механизмами составляет часть того, что обычно называется коммуникативной компетенцией.

Коммуникативная компетенция включает процедурную компетенцию (т. е. способность говорящего адекватно оценивать и навязывать знание, способность слушающего понимать и корректировать, их осведомленность о том, как «упаковать» передаваемый тип знания и как его «распаковать») и кодовую компетенцию (т. е. осведомленность говорящего о том, как выбрать наиболее пригодную семиотическую систему, как в ней закодировать знание со стороны говорящего и декодировать со стороны слушающего).

Закодировать три типа информации, передаваемые при речевом общении (информационное знание, метаянформационное знание и информацию об отношении говорящего к высказыванию), можно с помощью любой из лингвистических или нелингвистических семиотических систем. Информационное знание часто кодируется лингвистически, роль же нелингвистических систем здесь маргинальна; метаянформационное знание и информация об отношении говорящего кодируются как лингвистически, так и нелингвистически. Внутри лингвистической системы информация кодируется либо денотативно (сознательно, эксплицитно, через грамматические отношения в предложении), либо коннотативно (в разной степени подсознательно, имплицитно, через вставные структуры или другие особенности формы, которые не затрагивают грамматических отношений в предложении). Денотативная переинтеграция («переразмещение») всякого знания через пропозиции и соотносящиеся с ними синтаксические структуры составляет содержание всех нефункциональных грамматик. Коннотативный, несинтаксический механизм естественного языкового кодирования гораздо сложнее; лучше изучены кодирование подразумеваемого когнитивного содержания (пресуппозиции говорящего) и модальности (в особенности отношения говорящего к истинности ценности содержания пропозиции).

Коннотативное кодирование может быть обязательным или необязательным — три упомянутых типа информации различаются между собой и по этому критерию. Например, в том случае, когда какие-либо социолингвистические и психолингвистические факторы препятствуют «упаковке» субъективного отношения говорящего, информация об отношении говорящего не

сообщается как нерелевантная для адресата и высказывание кодирует когнитивную информацию максимально близко к объективной действительности. Сравнение обязательной и необязательной информации показывает, что именно обязательная информация выражается средствами того, что традиционно считается грамматикой, в то время как необязательная информация кодируется тем, что обычно определяется как прагматика. О. Т. Йокояма подчеркивает тщетность попыток строго разграничить грамматику и прагматику, поскольку они неразделимы, переходят друг в друга: это два полюса кода, который люди используют для вербализации как универсального общечеловеческого опыта, так и узко личного опыта.

Общие положения теории речевого обмена изложены в первой части книги, вторая же часть представляет собой анализ того, как прагматические и грамматические факторы контролируют порядок следования элементов, место фразового ударения и синтагматическое сегментирование в русском языке. Показывается, каким образом в русском высказывании, начинающем речевое общение, закодирована оценка типов знания говорящим, каким образом принципы и регулярные особенности начинающих речевое общение высказываний «работают» в высказываниях, не начинающих речевое общение, каким образом порядок русских инициальных высказываний обусловлен предшествующим высказыванием. В целом

необходимо отметить, что главы, посвященные русскому языку, достойны самого пристального внимания русистов [5].

Книга О. Т. Йокояма — образец блестящего лингвистического исследования, теории большой объяснительной силы. Любой лингвист найдет в этой работе много полезного, а специалисты в области прагматики — в особенности: вряд ли прагматические изыскания продвинутся вперед, если не учесть прагматических универсалий, описанных в книге, — субъективного характера речевого общения, навязывания знания, необходимости использования онтологически важных предикатов в высказываниях, начинающих речевое общение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вартофский М. Репрезентация и научное понимание. М., 1988.
2. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962.
3. Шаумян С. К. Теоретические основы трансформационной грамматики // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962.
4. Демьянков В. З. Лингвистическая теория в 80-е годы за рубежом: Введение // Проблемы современного зарубежного языкознания (80-е годы). М., 1988.
5. Brown J. E. // Russian language journal. 1988. V. XLII. № 141—143. Rec.: Yokoyama O. T. Discourse and word order.

Голубева-Монаткина Н. И.

قەدىمقى ئۇيغۇر يېزىقىدىكى

مايترى سىمىت. 1. ئىسراپىل يۈسۈپ .

شىنجاڭ خەلق نەشرىياتى

[Майтрисимит древнеуйгурским письмом. 1. Публикацию подготовил Исрапыл Ю суп. Урумчи: Шинжанг халк нешрияти. 1988. 524 с.]

В Китайской Народной Республике издана часть памятника древнеуйгурской письменности «Майтрисимит». По своей важности данное событие не может быть обойдено вниманием, поскольку факсимильное издание вновь найденного списка

«Майтрисимит» ученые тюркологического мира ждали очень давно. Турецкий специалист Шинаси Текин, осуществивший публикацию транслитерации и перевода «Майтрисимит» в 1980 г., с горечью писал, что ни официальные, ни частные попытки